

Э

ТО ПИСЬМО Горького возвращает нас к дискуссии о языке художественной литературы 30-х годов, которая началась с его выступлений в защиту русского языка, против его засорения диалектными словами и словесным шлаком. Наиболее очевидный пример такого рода злоупотреблений и орский видел в творчестве Панферова, роман которого «Бруски» послужил поводом для этой дискуссии. Позицию Горького поддерживали А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, В. В. Иванов, А. М. Леонов, А. Н. Сейфуллина...

Во время дискуссии Панферов стремился к личному контакту с Горьким. 23 марта 1934 года он писал Горькому: «За эти дни я немало передумал и хотел бы с Вами побеседовать по душам, открыто, чтобы раз и навсегда устранить те недоразумения, которые мешают мне, несмотря на все мои искренние стремления, работать с Вами и под Вашим руководством» (Архив А. М. Горького). Такие их встречи состоялись весной и летом того же года. Тем не менее в речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 23 августа 1934 года (опубликована впоследствии в журнале «Октябрь» под названием «О мудрой простоте») Панферов отстаивал свое право на использование диалектизмов, мотивируя это необходимостью создания «языка революции». Горький отреагировал на это выступление в статье «Литературные забавы», показал его необоснованный, претенциозный характер. Он утверждал, что Панферов не понял подлинного значения дискуссии о языке, а своими выступлениями в защиту ничем не оправданного «словотворчества» «увеличил количество малограмотной болтовни».

Казалось, что на этом дискуссия о языке завершилась. Но вот 28 января 1935 года последовало ее неожиданное продолжение. В этот день в газете «Правда» было опубликовано «Открытое письмо А. М. Горькому» Панферова, в котором он так объяснял причины его появления.

«Я до сих пор скрепя сердце молчал об этих делах, чтобы не отвлекать внимание от общего большого вопроса, поднятого партией, — о качестве нашей художественной литературы. Но специфический

характер «проработки» меня, проработки в худшем смысле этого слова, начинает надоедать, тем более подобная проработка вносит большое недоумение в ряды литературного молодняка. Я полагал, что подобная проработка прекратится после важного письма к П. Васильеву, опубликованного в «Известиях», где вы пишете, что «немедленно после моего мнения о небрежности его работы, на Панферова зарычали, залаяли даже те люди, которые еще накануне хвалили его». Но в «Празде» от 24 января я прочитал вашу третью длинную «Литературную забаву». И в этой «Литературной забаве» вы снова слишком увлекательно забавляетесь, забывая о том, что имеете дело с живыми людьми, а не с манекенами».

«Открытое письмо» Панферова, написанное в непривычном тоне по отношению к Горькому, авторитет которого после Первого Всесоюзного съезда писателей был на недостижимой высоте и находился как бы под охраной официальных органов печати (прежде всего именно «Празды», не могло не обратить на себя общественного внимания). Безапелляционная манера обращения наводила на мысль, что на этот раз автор письма заручился поддержкой редакции газеты «Правда» (вернее всего, ее редактора А. З. Мехлиса) для того, чтобы высказать накопившиеся обиды и попытаться взять реванш за свое поражение во время дискуссии минувшего года.

«Вот вы пишете, — продолжал Панферов, — в своей последней статье: «У нас развелись матерые литераторы солидного возраста... Они числятся коммунистами, пребывая по уши в тине мешанского индивидуализма». Это большое и серьезное обвинение вы бросаете коммунистам.

Кто же это такие — «матерые, солидные»? Вот они: Шолохов, Фадеев, Безыменский, Кирион, Афиногенов, Бела Иллеш, Гидаш, Бруно Ясенский, Гладков, Бахметьев, Серафимович, Билль-Белокеровский, Ставский, ну пусть и Панферов, и ряд подобных имен. Если бы сб этих коммунистах-писателях говорили, что они пребывают «по уши в тине мешанского индивидуализма», не хотят учиться, ничем не интересуются, кроме собственного пупа, то ведь этому никто не поверит. Наша общественность знает, что писатели-коммунисты никогда не пренебрегали политикой. Они — общественники и в любое время готовы сменить перо на винтовку, стать в ряды граждан нашего Союза, защищающих свою социалистическую Родину от врагов. У вас тут, очевидно, обмолвка. Ее надо поскорее снять или назвать имена «матерых, солидных» коммунистов-писателей, которых вы имеете в виду».

Горький, однако, не воспользовался советом Панферова «снять обмолвку» и назвал конкретные имена, но, как это видно из публикуемого ныне письма, повторил свои аргументы, высказанные в 3-й статье «Литературные забавы». Для него это была не «обмолвка», а выражение подлинного отношения к тем «возвеличенным» писателям, в недавнем прошлом рапповцам, которые, по его мнению, почли на лаврах и пытались средствами административного давления удержать «командные посты» в литературе. Горький в это время выступал против привнесения стиля работы ликвидированного РАППа в Союз писателей и всячески этому противился.

В той же статье, осуждая этих писателей, Горький пояснял, что «коммунист по титулу и партбилету — не всегда коммунист по существу». Взаимоотношения Горького с этой группой писателей (кроме Ф. И. Панферова, он относил к ней также В. В. Емилова, В. П. Ставского и др.) складывались сложно, обострялись в период подготовки и проведения Первого Всесоюзного съезда писателей.

Пolemика с группой Панферова затрагивала не только вопросы языка, организации работы в Союзе писателей, но и ка-

салась оценки отдельных книг и авторов. Разные подходы выявились к роману В. Я. Зазубрина «Горы», который Горький ценил за реалистическое изображение сибирского крестьянства, глубокую связь созданных им образов с народной средой, фольклором, природой Алтая, а Панферов не принимал за то, что автор «клеветает на коммунистов», видел в нем одну «небылицу». Мнения разошлись и относительно критика Д. П. Мирского, который дал негативную оценку романа А. А. Фадеева «Последний из Удэге».

Суждение о романе Фадеева явилось поводом для резкого осуждения Мирского в рапповской критике, что побудило Горького в своей статье «Литературные забавы» взять его под свою защиту. Он писал: «Товарищи, в нашей среде очень много пошлого и глупого, — все это нужно вытравить из нашей среды! Был, например, такой случай: Д. Мирский, отличный грамотный человек, умный критик, член английской компартии, совершенно правильно указал в печати, что «Последний из Удэге» не украшает советскую литературу. Суждение это общепризнанно, ничего обидного в нем не содержится, сам автор это тоже знает... Но Д. Мирский разрешил себе появиться на земле от родителей — дворян, и этого было достаточно, чтобы на него зациклились: как может он, виновный в неправильном рождении, критиковать книгу коммуниста? Некоторые защитники неудачной книги тоже нашли нужным сказать, что они не позволяют осуждать книгу Фадеева человеку, родившемуся неправильно, и этим

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Лит. Россия. — 1992. — Загр. (№14). — С. 8-9.

НЕЗАВЕРШЕННАЯ ДИСКУССИЯ

О неизвестном Открытом письме

А. М. Горького к Ф. И. Панферову

чанным, но неумным заявлением поставили себя в смешную позицию аристократов, как бы генералов от литературы. Событие — смешное, но и печальное. Следует помнить, что Белинский, Чернышевский, Добролюбов — дети священников, и можно назвать не один десяток искренних и крупных революционеров, детей буржуазии, которые вошли в историю русской революции как честнейшие бойцы, верные товарищи Ильича». (Отметим, что этот фрагмент из 3-й статьи Горького «Литературные забавы» позднее был изъят и не вошел в тот текст, который был опубликован в 27-м томе 30-томного собрания его сочинений.)

В «Открытом письме» Панферов упрекал Горького за то, что тот в своих «Забавках» без всяких оснований «поднимает до небес Мирского и обрушивается на Фадеева» и тем самым «упрощает» вопрос. Он назвал оценку Мирским романа Фадеева «клеветой и на советскую литературу, и на тов. Фадеева, которого ни один честный советский писатель не позволит выбросить из литературы».

Открытое письмо Горького к Панферову по неизвестным нам причинам не было опубликовано. В дальнейшем Горький использовал часть этого письма в своей статье «По поводу «открытого» и других писем» (Архив А. М. Горького), которая тоже не была напечатана.

Письмо Горького печатается с небольшими сокращениями по автографу (Архив А. М. Горького). Датируется по содержанию. Оно было написано в начале февраля 1935 года.

Итак — мы полемизируем. Очень сожалею, ибо предпочел бы тратить время на дело более полезное. Сожалею, но моя обязанность старого писателя и мое право читателя вынуждают меня отметить в письме Вашем некоторые — «неточности» — говоря мягко.

Вы утверждаете, что статья «Слова, каких нет у Даля» является собственным творчеством корреспондента «Вечерней газеты», но ведь статья излагает редакционную Вашу и переданную редакции «В. Г.» Вашим секретарем стенограмму Вашего выступления. Я взял из нее то, что поставлено в кавычки и, значит, принадлежит Вам.

Далее Вы указываете мне, что мои «герои» тоже говорят искаженными словами: «гляи», «вчерась», «отсюда» и т. д. Надо различать слова, искаженные неправильным произношением, от слов бессмысленных, о которых я говорил в статье: «О языке». Мы все произносим слова более или менее неправильно с литературной точки зрения, но от этого еще далеко до нарочитого искусственного засорения языка бессмысленностями. Слово «курва» — не зазорно, оно значит — кривая, «сзолочь» — от глагола «волочить», означает сор, мусор, всякое несодержательное в кучу, когда говорят «ни хрена» — подразумевается, что даже такая неприглядная вещь, как хрен — не выросла в огороде, если же кому-то угодно подразумевать под хреном фаллос, это свидетельствует только о нищете воображения у людей или же о сексуальной настроенности воображения. По поводу «матерщины» мною кое-что сказано в той же книжке «Колхозника», которую Вы читали. «Айдаге», «айда», «гайда» перешло в русский язык от крымских татар, возможно, что это итальянский глагол «акдаре» — идти, заимствованный у генуэзцев.

Указав, что я «ввожу в некое замешательство молодые литературные кадры», Вы добавляете, что я еще «вношу недоумение в ряды литературного молодняка». В «замешательство» и «недоумение» я не верю, ибо убежден, что «молодняку» полезно читать, как Панферов критикует Горького, а Горький — Панферова, и крепко надеюсь, что «молодняк» из нашей «полемики» сделает хорошие выводы для себя. По адресу «молодняка» я могу совершенно искренно сказать, что и в печати, и в личной беседе с Панферовым я заявлял ему: он человек даровитый, но — учится мало и плохо учится. Статья Ваша о «Мудрой простоте» служит явным доказательством правильности моего мнения о том, что учитесь Вы плохо. Статья эта плоха не только литературно, а и вообще туманна, ибо — неясно Ваше отношение к бывшему партизану, который бросил орден в реку, неясно к отношению к мужику, который «умно ковырял советскую власть».

Вы говорите, что я «ругаюсь». Полноте, разве так ругаются. Это — впереди. Спорить мы, очевидно, будем не раз еще, ибо Вы человек болезненно самолюбивый, как все наши литераторы, испорченные скоростной славой.

Вы желаете, чтобы я назвал имена коммунистов-индивидуалистов. Это будет сделано, со временем, не беспокоейсь. Можно бы Вам и самому усмотреть, что среди них есть люди, которые добывают большие деньги плохой работой, люди, которые хотят «жить» — как за границей живут — и люди, которые во что бы то ни стало желают сесть на первые места, не имея к тому никаких оснований, кроме желания. Вы упрекаете меня за то, что я настоящей расхваливаю книгу Зазубрина — «Горы». Да, я считаю эту книгу весьма ценной. Вы всячески порицаете ее и автора, порицаете — это я сказал мягко, Вы делаете хуже, приписывая автору, что он писал «о войне, якобы объявленной партией крестьянству». В романе Зазубрина этого — не написано, в нем идет речь о войне, объявленной кулаками Советской власти. Вы «передериваете» указывая, что «коммунисты» отрубленную голову врага таскают». Поморез — коммунист опороченный, ополченный из партии, не вошедший из трусости перед кулаками в колхоз. При чем же здесь коммунисты во множественном числе? Вы пишете: — «другой коммунист купил барыньку за два пуда муки». — Игонин стал коммунистом значительно позже этого постыдного факта — и факт этот не может бросить даже слабой течи на партию. Мало ли какими путями приходят люди к единой, великой правде, очищаясь от прошлого. Вот Авдеенко на Съезде Советов сказал о своем тяжелом прошлом и — что же он, опорочил литературу?» [...]

И — в заключение — еще вопрос: когда Вы говорили правду: в «Правде» 28 февраля¹ или же летом в Оркомитете, когда, пожима руку Зазубрина, уверяли его, что он написал прекрасную книгу? По поводу Мирского я уже указывал, что Мирский отнюдь не отрицает значения «Разгрома» и вообще даровитости Фадеева, а говорит, что «Удэге» — плохая книга, не украшает нашу литературу. Считаю Мирского весьма ценным критиком и сожалею, что его способностями плохо пользуются.

18 марта 1934 г. «Правда» поместила свое заключение к моей статье «О языке», отметила серьезное значение спора, затеянного мною. Очень жаль, что поместив «Открытое письмо» Ваше она не сопровестила и его напоминанием о своей позиции в марте. Вот такая забывчивость, действительно, может «внести недоумение в ряды литературного молодняка». А за отсутствием у нас серьезной критики, количество «недоумений» молодежи все растет, качество недоумений — осложняется.

М. Горький

Вступление, текст письма и комментарии подготовил доктор филологических наук

Владимир БАРАХОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Статья об итогах дискуссии по роману Панферова «Бруски» («Вечерняя Москва», 1934, 19 января). См. об этом статью Горького «По поводу одной дискуссии» (Собр. соч., в 30 тт., т. 27).

2) Очевидно, имеется в виду рассказ Горького «Экзекуция», опубликованный в журнале «Колхозник», № 1, 1935.

3) Речь идет о выступлении А. О. Авдеенко на VII Всесоюзном съезде Советов 30 января 1935 г. («Правда», 1935, 1 февраля).

4) Правильно: 28 января.